

«МОЙ МИР» В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (на материале Национального корпуса русского языка)

П.С. Завтрикова,
Е.В. Ничипорчик
(Гомель, Беларусь)

Статья посвящена выявлению и описанию метафорических моделей, используемых для выражения мыслей о мире как объекте «обладания». Определяются семантические роли слова «мир», детерминированные метафорической репрезентацией опыта познания сущего.

Ключевые слова: мир, метафорическая модель, предложение, семантическая роль, текст

Summary The article is devoted to the identification and description of metaphorical models used to express thoughts about world as an object of «possession». The semantic roles of the word "world", determined by the metaphorical representation of the experience in cognition of existence, are defined. Key words: world, metaphorical model, sentence, semantic role, text

Можно ли найти такое слово, которое является более объемным по содержанию, чем слово *мир*? Дефиниции лексемы *мир* в словаре говорят о том, что, по сути, в понятие «мир» входит всё, что окружает человека: «Вселенная в её совокупности»; «отдельная часть Вселенной; планета»; «какая-л. сфера, область явлений в природе / совокупность явлений, предметов, окружающих человека»; «земной шар, Земля со всем существующим на ней / люди, населяющие Землю»; «действительность, бытие с точки зрения порядка, строя жизни на Земле»; «Земля как место жизни человека до его смерти, при противопоставлении небу, где продолжается загробная жизнь» и др. [1, 1032–1037]. И даже в наиболее «антропоцентрическом» (судя по словарным пометам, вторичном) значении слова *мир* – «определенный круг явлений психической жизни (чувств, переживаний, представлений)» [1, 1034] – этот самый «круг явлений» оказывается размытым, неопределенным, неограниченным.

Известно, что только в речевых реализациях слово обретает свою дефиниционную определенность, и поэтому только в предложении / тексте, как указывает Х. Вайнрих, слова переводимы [2, 54]. Метафорическая репрезентация понятия является одним из способов «детерминации» (термин Х. Вайнриха) и одновременно обогащения «растянутого» и «неопределенного», по выражению Х. Вайнриха, значения слова [2, 49].

Исследователями замечено, что процессы метафоризации схематичны и могут быть подвергнуты систематизации, так как обнаруживают устойчивые связи между «областью источника» метафорической репрезентации понятия и «областью цели» [3, 11]. Эти устойчивые связи, фиксируемые в языковой и культурной традиции общества, трактуются как коллективные когнитивные структуры. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон описали целый ряд когнитивных (концептуальных) метафор европейской культуры: «время – это деньги», «спор – это война», «жизнь – это путешествие», «жизнь – это игра», «теория – это строение» и др. [4]. Теоретические изыскания Дж. Лакоффа и М. Джонсона соответствуют современной общей исследовательской установке на «экспансионизм» [5, 207], то есть установке на использование в лингвистике положений и методов других наук, формирование междисциплинарных областей знания, ориентированных в конечных своих целях на раскрытие тайн человеческого мышления и создание искусственного интеллекта.

Метафора в определенном смысле проливает свет на механизмы концептуализации и категоризации действительности, так как является одновременно и способом познания сущего, и способом объективации представлений о сущем. Метафоризация отражает, с одной стороны, способность человека оперировать образными инструментами познания, с другой стороны, желание человека максимально точно, свежо и ясно выразить мысль. Лексическая и синтаксическая семантика в этом случае весьма специфично взаимодействуют; речь идет не только об аномалиях сочетаемости слов, но и о наблюдающемся переходе слов, представляющих один семантический тип, в другой [6, 346–348]. Наш исследовательский интерес составляет выяснение того, в каких метафорических моделях «детерминируется» значение слова *мир* говорящими на русском языке и каким образом грамматика оказывается «втянутой» в процессы метафоризации.

Ввиду того, что лексема *мир* оказалась весьма востребованной носителями языка, о чем свидетельствует значительное количество ее вхождений в Национальный корпус русского языка (при неснятой омонимии в Основном корпусе НКРЯ отмечается 192 787 фиксаций слова *мир*) [7], мы ограничиваем исследуемый материал теми контекстами, в которых в качестве распространителя словоформы *мир* используется лично-притяжательное местоимение *мой*, то есть понятие «мир» оказывается «привязанным» к личности говорящего.

Что же имеют в виду носители языка, когда используют в речи местоименно-посессивный комплекс *мой мир*? Во-первых, этот комплекс используется для обозначения совокупности явлений и предметов, окружающих человека, во-вторых, для обозначения места обитания человека. Кроме того, местоименно-посессивный комплекс *мой мир* может быть использован для обозначения внутреннего мира человека – «определенного круга явлений психической жизни (чувств, переживаний, представлений)» [1, 1026], в этом случае местоимение *мой* указывает на действительно неотчуждаемую принадлежность мира человеку.

Согласно дескрипторной теории метафоры А. Н. Баранова, метафорические модели формируются тематически связанными полями сигнификативных дескрипторов [3, 12]. Выявлению стереотипов в интерпретации мира носителями русской культуры послужит анализ лексем, привлекаемых для метафорических репрезентаций представлений о мире носителями русского языка.

Не единичными контекстами в НКРЯ представлены следующие модели метафорической репрезентации мира как объекта принадлежности говорящему.

1. Мир – строение.

Эта метафорическая модель отражает наиболее типичный вид ассоциативных связей, вызываемых представлениями о *мире*. Мир, принадлежащий говорящему, ассоциируется с реальным строением, в котором пребывает, находится посessor, или с виртуальным местом протекания психической жизни посессора. Формированию образа строения служат, прежде всего, существительные, называющие части строений: *стена, комната, угол, вход*:

В маленькой комнатке деревянного прогнившего дома, где все мои многолетние рукописи могли сгореть от одной несчастной спички, я читал, читал эти речи – и стены моего затаянного мира заколебались как занавеси театральных кулис... [А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967–1974)];

И сквозь стеклянные стены моего алгебраического мира – снова ресничный волосок – что-то неприятное, что я должен сегодня...

[Е. И. Замятин. Мы (1920)];

И это все – голоса, звуки, сюжеты – не галлюцинации, это происходит за стеной, отделяющей мой мир от какого-то постороннего, чужого [Анатолий Кирилин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013];

Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира [В. В. Набоков. Другие берега (1954)];

Могущественные идолы стерегут входы в мой мир – те, кто посмел в своей земной жизни задержать ход времени, кто пытался опрокинуть его вспять [Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)].

Примечательно, что слово *мир* реализует семантическую роль носителя признаков строения, находясь в зависимой позиции от субстантивов, именующих части строения, что говорит о свернутом выражении соответствующих пропозиций и неключевой роли слова *мир* в формировании поверхностной структуры предложения.

Если же мир, принадлежащий человеку, ассоциируется со строением по функции, то в этом случае мир выступает предметом мысли, то есть реализуется в гиперроли субъекта мысли-предложения:

Пусть думают, что я шалун, мотылек, что я беспечен и легкомыслен. Мой внутренний мир – мое убежище. Я не пушу в него никого [Леонид Зорин. Казанские гастроли // «Новый Мир», 2008].

Актуализации признаков мира как строения могут служить и глагольные лексемы, характеризующиеся в системе языка сочетаемостью с названиями строений, сооружений. Самыми частотными в НКРЯ являются контексты, в которых *мир* фиксируется в сочетании с глаголами деструктивной семантики: *рухнуть, рушиться, разрушаться*:

И тут случилось 11 сентября, когда самолеты врезались в нью-йоркские башни... Мой мир рухнул. И мир вообще рухнул [Яна Зубцова. Любимые поэты Элизабет Херли (2002) // «Домовой», 2002.09.04];

А если я попытаюсь скрыться, то вокруг меня станет рушиться весь мой мир – вспомни, что они сделали с Марго; а я подохну, если что-то подобное произойдет с тобой [Дина

Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)];

Турне продолжается. Аплодисменты продолжают подолгу. Нас приветствуют стоя – нектар для голодных пчел. Покупаю различные вещи для рисования. Мой внутренний мир снова разрушен. Приближается 20 апреля, и я становлюсь старше на год. Тихо отмечаю этот день у себя дома. [Всеволод Кукушкин. Пять минут одиночества // «Юность», 1976];

Я не хотела уезжать никогда. Для меня это была самая страшная травма – наш отъезд в Испанию. Мне казалось, что мой мир разрушится, что я там погибну [Мария Варденга. Сати Спивакова. Соло второй скрипки (2002) // «Домовой», 2002.01.04].

Семантика разрушения мира, как правило, реализуется словоформами, связанными отношениями предсказания первого порядка, и слово *мир* отмечается в этом случае в гиперроли субъекта мысли-предложения.

Средством метафорической репрезентации мира как строения выступают и глаголы направленного контролируемого движения. Мир определяется как жилище, место, куда можно войти *войти, вломиться*, откуда можно *убежать*, слово *мир* реализуется в таких сочетаниях в семантической роли локатива.

Вот так грубо и бесцеремонно все вламываются в мой внутренний мир. [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]

Я попробую убежать из моего рухнувшего мира туда, где все, может быть, не так страшно и больно [Александра Маринина, Александр Горкин. Шестикрылый серафим (1991)]

2. Мир – вещь.

«Вещная» семантика у слова *мир* проявляется в случае реализации этим словом в структуре предложения семантической роли объекта. Мир как вещь определяется в сочетании с глаголами, обозначающими физические направленные воздействия:

Они наступили на мой мир, как на сползшее одеяло, и я даже не пыталась вытащить его из-под них... [Кира Сурикова. Страсти по Ботичелли (2003)].

Если физическое воздействие в поверхностной структуре предложения представлено при-частной словоформой, то слово *мир* занимает позицию «претерпевающего» актанта и в поверхностной структуре предложения реализуется, как правило, в гиперроли субъекта мыслипредложения:

Мой мир был расщеплен. Я чуял присутствие не одного, а двух полов, из коих ни тот, ни другой не был моим; оба были женскими для анатома; для меня же, смотревшего сквозь особую призму чувств, «они были столь же различны между собой, как мечта и мечта» [В. В. Набоков. Лолита (1967)];

В его слаженных словах мой разорванный мир обретал новую надежду [Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002].

Как видим, есть контексты, в которых совмещаются когнитивные признаки мира как вещи и живого существа, и такие контексты не единичны: *Вечером, когда он, наконец, уезжал, мой мир оставался разбитым и растерзанным, горы и травы не радовали, я сворачивался в клубок и лежал, бездумный и бессильный, с закрытыми глазами.* [Улья Нова. Инка (2004)].

Заметим, что метафорическое осмысление признаков мира, принадлежащего лицу, означает в определенном смысле и метафорическое осмысление признаков самого possessора: многие контексты допускают замену местоименно-possessивного комплекса *мой мир* местоимением *я*. И будет совершенно закономерным усматривать в комплексе *мой мир* метонимическое обозначение говорящего.

3. Мир – человек.

В такой метафорической репрезентации миру приписываются физические, психические характеристики и состояния человека. Как правило, метафорическую модель формируют глагольные лексемы, открывающие позицию агенса:

Вот «во имя чего» погиб, погиб мой своевольный мир – звездное небо над головой Канта давно померкло перед нравственным законом внутри нас [Сергей Роганов. Homo mortem (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.12];

Мой прежний мир обязан был вспомнить меня, вытащить отсюда [Слава Сэ. Ева (2010)];

Драконы вообще очень дружелюбны по натуре, и уж если привязываются к человеку, то это навсегда.

Мой мир многое потерял, когда они вымерли [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)].

Слово *мир* в предложениях, воплощающих метафорическую модель «мир – человек», может реализоваться и в гиперроли объекта, если глагол открывает позицию пациентива:

Так убейте же меня, как вы убили сотни миллионов других людей! Как вы убили весь мой мир! Весь наш мир! [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

4. Мир – объект, источающий свет, меняющий цвет.

В этой метафорической модели мир предстает как зримо воспринимаемый объект, носитель изменяющихся или стабильно проявляющихся качественных признаков:

Жизнь моя, жизнь моей души, мой внутренний мир, мое небо, светлеет, яснеет, хотя тьма вокруг меня становится гуще и гуще [М. П. Погодин. Невеста на ярмарке (1827–1832)];

Возвращаясь в свою рабочую семью, я был глубоко убежден, что побывав в мире антиподов, настолько для меня чуждых и отвратительных, что с рабочим миром невозможно никакое сравнение. Мой мир был неизмеримо богаче и ярче [А. С. Макаренко. Книга для родителей (1937)].

В контекстах, воплощающих анализируемую метафорическую модель, слово *мир* реализуется в семантической роли субъекта (носителя признака); в предикациях первого порядка (развернутых обозначениях пропозиции) это гиперроль субъекта, в предикациях второго порядка (свернутом обозначении пропозиции) субъектная семантика уходит на второй план.

*Наши глаза встретились, и вспышка Милиного румянца была ярче **пожарных тонов** моего тогдашнего мира* [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)].

5. Мир – субстанция, изменяющаяся в количественном отношении.

Метафоричность выражения достигается тем, что изменяющиеся физические параметры приписываются внутреннему миру человеку, сокрытому от наблюдения. Сематические роли слова *мир* в контекстах, воплощающих анализируемую модель, зависят от залоговых значений глагольных предикатов, ср.:

*Один парень бутылку с бензином внутрь бросил, а второй курил, а потом сигарету туда! И сразу как вспыхнет! Продавец выскочил и спиной на снег – у него куртка загорелась... Мой мир опять **сжался, уменьшился до предела*** [Андрей Курков. Милый друг, товарищ покойника (2001)];

*Эта же зима **сжимает, уменьшает мой мир**, заставляя меня большую часть дня проводить дома, в тепле* [Андрей Курков. Милый друг, товарищ покойника (2001)].

Совмещенными в одном контексте могут быть изменяющиеся качественные и количественные признаки мира человека:

*Тут все было нужным и мне близким, а в церкви этот мой мир почему-то **тускнел и уменьшался**, а большим и недоступно-ярким делалась только она сама* [Константин Воробьев. Друг мой Момич (1965)].

6. Мир – картина.

Эта метафорическая модель работает на актуализацию признаков, приписываемых миру не только как плоскостному изображению, но и как семиотическому феномену, носителю закодированной информации:

*Как только все это я проделал, картина **моего мира**, надо сказать, сильно изменилась* [Дмитрий Воденников. Самовывоз // «Русская жизнь», 2012];

*Но укажите **узор моего мира**, и я изъясню вам весь его сложный шифр* [А. С. Грин. Блистающий мир (1923)].

Итак, проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам.

1. В метафорических моделях мир, определяемый по принадлежности говорящему лицу, характеризуется атрибутивными и процессуальными признаками. Эти признаки детерминируются лексической семантикой слов, с которыми слово *мир* находится в грамматической связи в структуре предложения. Лексическая семантика слов, представляющих «область источника» сигнификативных признаков в метафорической модели, обуславливает и семантические роли слова *мир* в поверхностной структуре предложения.

2. В текстах НКРЯ фиксируются следующие метафорические модели репрезентации мира, посессором которого мыслится говорящий: «мир–строение», «мир – вещь», «мир – человек», «мир – объект, источающий свет, меняющий цвет», мир – субстанция, изменяющаяся в количественном отношении»; «мир – картина».

Типичными семантическими ролями слова *мир* в предложениях, воплощающих названные метафорические модели, являются гиперроли субъекта и объекта, гиперроль локатива представлена в меньшей степени. В предикациях второго порядка слово *мир*, фиксируемое в зависимой от другого существительного позиции, реализуется в роли субъекта, в сочетаниях со страдательными причастиями – в роли объекта.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь): в 17 т. / АН СССР. Ин-т языкознания; под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Том 6: Л-М. – 1460 с.
2. Вайрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайрих ; пер. Н. Португалова // Язык и моделирование социального взаимодействия ; под ред. В. В. Петрова. – М. 1987. – С. 44–88.
3. Баранов, А. Н. Предисловие редактора / А. Н. Баранов // Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : ИЯ РАН, 1995. – С. 144–238.
6. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorgota.ru. – Дата доступа: 05.03.2017.